

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В КНИГЕ ИГУМЕНА ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА) «ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА»

М. В. ЗАХАРЧЕНКО

Книга, которую представляет автор статьи, показывает новый уровень православной педагогики: теоретического осмысления традиции, включающее такие ее компоненты, как онтологическая основа, цивилизационное содержание, ценностные истоки и организация семейного и школьного воспитания, представление о личности, методология самопознания. Раскрывая цель воспитания как обретение личностного бытия в традиции, книга сама обладает высоким воспитывающим потенциалом и, несомненно, выполняет роль введения в традицию.

Вниманию читателей предлагается четвертое издание книги «Православная педагогика» игумена Георгия (Шестуна), имя которого широко известно всем тем, кто включен сегодня в соборное дело восстановления непрерывности отечественной духовной традиции. Эта книга имеет свою историю.

В 1997 г. в свет вышла работа протоиерея Евгения Шестуна «Православная педагогика»¹. Она была написана в логике восполнения знаний, полученных в русле профессионально-педагогического образования в советском вузе и сразу же стала широко известна. Необычная логика книги, наверное, и обусловила успех, поскольку ее структура точно отобразила вопросы, которые естественно возникали у педагога, пришедшего в начале 90-х гг. в Церковь.

Как соотносится внешнее образование, открывающее новым поколениям возможности обустройства в социальной реальности, и воспитание внутреннее, побуждающее человека к духовному труду? Выработала ли Церковь собственную воспитательную традицию и в чем ее особенности? В каких особенностях отечественной культурно-педагогической традиции проявляется влияние Церкви? Что означает православное воспитание в современном мире и как его возможно осуществлять?

Все эти вопросы в конечном счете сводятся к одному — вопросу о православном воспитании. Как учить современного ребенка в современном мире, чтобы помочь ему обрести «Путь, и Истину, и Жизнь»? Как педагогу достичь духовной дисциплины, благодаря которой он действительно будет помощником в духовном возрастании юного человека?

¹ Священник Евгений Шестун. Православная педагогика. Самара, 1997.

В поисках ответов обращались к известному кругу источников: творения Святых Отцов и учителей Церкви, древних и новых, русские философы-славянофилы, православные писатели и богословы русского зарубежья, размышления современных авторов о духовно-нравственных началах устройства личной и общественной жизни. Особое место имела публицистика, отразившая опыты православного образования 90-х гг. во всем их многообразии: возвращение к традиционным основам семейного воспитания, углубление образовательных программ духовных школ, курсы катехизации и православного просвещения для взрослых, воскресные школы, православные гимназии, детские сады и школы.

Тогда же, в начале 90-х, возник термин «православная педагогика». Некоторые ученые критически восприняли перспективу включения понятия в тезаурус педагогической мысли, не видя возможности его корректного употребления в теории. Однако термин быстро укоренился в общественном дискурсе; он нашел свое место в публицистике и педагогических исследованиях. В составе учебных планов педагогических вузов появились учебные дисциплины, отражающие различные аспекты православной педагогики, возникли специализации по православной педагогике. Категория получила «путевку в жизнь» — необходимо содержательное осмысление понятия, установление многообразных связей с другими категориями языка педагогической реальности.

В первом издании книги «Православная педагогика» игумен Георгий — тогда протоиерей Евгений Шестун — на вопрос о содержании категории дал простой, немудреный ответ: православная педагогика — это педагогика, цели которой не ограничены пределами земной жизни человека, но уходят за ее пределы, в жизнь вечную. Православная педагогика — это педагогическая практика, укорененная в Православной Церкви и опирающаяся на Ее Таинства.

Что это за практика, на каких принципах она строится, какие цели ставит, какими средствами пользуется, каких результатов достигает, — на эти вопросы он начал отвечать, обращаясь к богатейшим многообразным материалам православной церковной и отечественной религиозно-философской традиции. Таким образом, в книге, во-первых, был обозначен предмет — православная педагогика, во-вторых, предложен метод — творческое освоение традиции во всей ее полноте, и, в-третьих, представлен своеобразный компендиум ответов на вопросы, уже многократно прозвучавшие в общественном дискурсе.

Опираясь на источники, автор раскрыл многообразные формы влияния православной Церкви на практику воспитания в отечественной культурной традиции, представил обширный свод ответов на вопросы, волнующие наших современников. Небольшая книга прот. Евгения Шестуна выполняла роль книжной полки в домашней библиотеке, на которой собраны лучшие образцы богословских, научных и публицистических трудов, отображающих идею и практику воспитания Православной Церкви. Уже в первом издании книги вполне проявилась важная особенность стиля автора — простота и последовательность в постановке вопросов и ответах на них: «где просто, там ангелов доста, а где мудрено, там ни одного». В основе этого стиля — доверие к традиции, которая учит нас терпеть, трудиться и верить Богу: доверять Его обетованиям и внимать Его предупреждениям. Господь предупреждает нас от поспешения

диавольского и все, что нам полезно, дает во время благопотребно. Любящему Бога все споспешествует ко благу. Автор, следуя этим наставлениям, не спешил с теоретическими моделями и обобщениями, но скрупулезно собирал все доступные для русского читателя свидетельства о принципах и практике православного воспитания. Доступные для русского читателя, — значит, либо принадлежащие русским авторам, либо содержащиеся в творениях Св. Отцов, наличных в русских переводах.

Тем самым он, отказываясь от систематической разработки понятия православной педагогики, решил совсем другую задачу, несравненно более важную и своевременную. Книга актуализировала историческое наследие православной педагогической мысли. Она ввела в оборот множество утраченных тем, имен, оценочных суждений, точек зрения, позволяющих воссоздать полноту постановки вопроса о воспитании, характерную для нашей культуры, и стала своеобразным мостом, восстанавливающим возможность движения в русле отечественной культурно-педагогической традиции. Замечательно подобранные источники сформировали представление о структуре поля ее проблем, взаимосвязи элементов, о ведущих идеях и доминантных темах. Мы вернулись в точку, где традиция прервалась, и смогли задать вопросы о возможных ее путях после разрыва изнутри традиции, а не извне. Метод, которым воспользовался автор, позволил избежать ошибки идеологизированного сознания, склонного к рационализации опыта. Он не реконструировал традицию посредством рациональной переработки свидетельств о ней, а ввел в круг современного культурного диалога новых собеседников — носителей традиции, сам вступил с ними в диалог и открыл возможность такого диалога для всех читателей. Каждый, открывая «Православную педагогику», встречался на ее страницах с живыми свидетелями и сам начинал беседовать с ними. Прот. Евгений не объяснял, почему традиция шла таким именно путем: он просто стал сам на путь традиции и открыл этот путь для других, продемонстрировав, как традиция становится не только предметом, но также источником и методом самопознания.

В данном — четвертом издании книги понятие православной педагогики поднимается на новый уровень теоретического осмысления. В 2006 г. в Казани игумен Георгий (Шестун) защитил диссертацию на степень доктора педагогических наук по теме «Православные традиции духовно-нравственного становления личности (историко-теоретический аспект)». Результаты исследования и представляются в нашем издании.

Традиция

Предлагаемая вниманию читателей книга раскрывает понятие православной педагогики в связи с содержанием православной традиции. Православное воспитание направлено на создание условий, способствующих рождению духовной жизни и ее развитию. Духовная жизнь реализуется как личностное бытие в традиции. Качественную определенность личностного бытия образуют творчество и одаренность человека. Через направление и характер творческой активности проявляется содержание его духовной жизни.

Устоявшиеся стереотипы в отношении православной традиции воспитания ассоциируют ее не с динамикой становления личности, а с жестким подчинением индивидуальности системе устойчивых социальных норм (которые к тому же часто рассматриваются как устаревшие и подавляющие личностное развитие). Между тем эти нормы — божественные заповеди — образуют условия, при соблюдении которых только и возможно духовно-нравственное становление личности. К соблюдению этих норм невозможно принудить, их можно только свободно принять и сознательно строить по ним собственную жизнь. «Важнейшим условием достижения человеком Богоподобия как изначальной задачи человеческого бытия является воссоздание всего строя жизни на началах духовной свободы. Оценка любых проявлений личности возможна, если предполагается свобода нравственного самоопределения человека». Таким образом, содержание православной традиции воспитания ориентировано на развитие личностного начала в человеке и укоренении его в духовной и нравственной жизни.

Взгляд автора позволяет существенно изменить стереотипическое представление о традиции, сформированное на основе заимствованного из социологии объектного подхода к традиции. Традиция, если ее мыслить объектно, как систему форм и стереотипов общественного поведения, должна осмысляться — и в этом стереотипе так и осмыляется — как набор ограничений индивидуально-личностного развития. Поместив традицию в контекст условий и форм духовно-нравственного становления личности, мы увидим, что традиция не ограничивает развитие личности, а обуславливает ее становление, образует его форму и содержание. Категория «ограничения» в этом случае может быть осмыслена в философском ключе, в логике формулы «всякая определенность является ограничением». Задаваемая традицией граница в личностном становлении в таком случае мыслится как условие того, что личность сбывается в своей собственной определенности, образующей ее уникальное бытие.

Личность

В контексте проблем воспитания игумен Георгий развивает личностно-ориентированный подход к традиции. Ключевым понятием для осмысления педагогической реальности традиции выступает понятие духовно-нравственного становления, закономерности которого определяются содержанием идеала человеческого совершенства, выработанного в традиции. В православной традиции высший идеал человеческого совершенства выражен в личности Богочеловека — Господа Иисуса Христа. Он призвал всех людей к совершенству Божественной Святости: «Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный». Этот евангельский призыв в богословской терминологии выражается в понятии «теосис», «обожение» — понятие, подробно развиваемое св. Григорием Паламой и сегодня вновь поставленное в центр внимания православного богословия. В понятии теосиса сконцентрировано понимание христианской веры как духовного подвига, ведущего к преображению и «обожению» всего человека... это обожение доступно как некое живое переживание здесь, на земле, и еще теперь, в земной жизни, а не только в будущем царстве. «Славен Бог во святых Своих» — святые

православной Церкви являют образ Божий: человека, как он сотворен «по образу и подобию» и как он воссоздан тайной Спасения в образе Христа Иисуса. «Никто не свят, только Бог»; но Предание являет образ Божественной святости, изливая ее свет через тех, кто не сам живет, но в ком живет Христос. Какой же образ личности Богочеловека Иисуса хранит Православное Предание? Приведу фрагмент из работы святителя Игнатия Брянчанинова, выдающего русского аскетического писателя XIX в.: «Богочеловек не имел греха.... Естественные его свойства не были изменены, как в нас, в страсти ²... Естественные свойства человека находились в Нем в естественном порядке, в постоянном подчинении духу, а дух находился в постоянном управлении Божества, соединенного с человеком. Богочеловек имел свойство печалиться и скорбеть, но печаль никогда не овладевала им, как случается с нами, а постоянно была управляема духом... Богочеловек имел свойство гнева, но гнев действовал в Нем, как святая душевная сила, как характер, как энергия, постоянно сохраняя достоинство человека, никогда не обнаружив никакого увлечения. Величественное духовное зрелище представляют собой человеческие свойства Христовы во время Его страданий за человечество: Господь, во все время продолжения этих страданий, пребывает постоянно верным Самому Себе; ни на минуту не явились в нем ни разгорячение, ни восторг, обыкновенно одушевляющие земных героев; ни на минуту не выказалась в Нем никакая переменчивость; постоянно действовала в Нем неколеблящаяся, ровная сила, без ослабления и напряжения; эта сила постоянно выражала и могущество свое, и подчиненность Святой власти, руководившей ею. Если кто вникнет в характер Иисуса Христа при разумном чтении Евангелия, тот по одному этому характеру исповедует Иисуса Богом, как исповедовал Его Богом апостол Петр единственно за Его слово жизни³. Такого характера, постоянно и вполне свободного и открытого, постоянно одинакового, никогда не увлекающегося, не изменяющегося ни от укоризн, ни от похвал, ниже перед лицом убийц и смерти, — такого другого характера между характерами человеческими — нет...»⁴.

Христианская традиция открывает для человека его собственную личностную глубину, бездонность личностного бытия, превосходящего тварный мир. В христианском миропонимании личность не «развивается», — она сбывается. Личность — это христианское событие как со-бытие человека с Богом... Это событие неповторимо — как неповторима и уникальна сбывающаяся личность человека. Это событие «изводит из темницы», из плена страстей, душу человека, возводит человека «превыше небес», одевает его «светом, яко ризою», просветляет его к Богу обращенное неповторимое лицо, открывает ему его «на камне написанное новое имя, которое никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2.17).

² *Игнатий Брянчанинов*. Православное учение о Пресвятой Богородице. Издано отдельной брошюрой без указания места и года издания.

³ Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни (Ин. 6:68).

⁴ Изложение учения православной церкви о Божией матери. Составлено в Ставрополе епископом Кавказским Игнатием Брянчаниновым, вследствие желания некоторых лиц общества, в котором тогда предметом суждений был новый догмат папистов (догмат о непорочном зачатии Девы Марии). Издано отдельной брошюрой без указания места и года издания.

Что означает эта тайна? — спрашивает К. С. Льюис. «Не то ли, что каждый блаженный вечно ведает и хвалит какую-нибудь одну грань Божией славы, как не познает и не восхвалит ее никто другой? Бог создал нас разными, чтобы любить нас по-разному — не «больше» и «меньше», а именно по-разному, как мать любит детей... Поэтому и возможна любовь блаженных по отношению друг к другу, содружество святых. Бог творит неповторимую природу души, у Него все наши души разные... В этом вечном отличии каждой души неповторим каждый союз человека с Богом. Блаженная душа — сосуд, который все лучше и лучше принимает расплавленный металл, тело, все легче и легче выносящее яростный жар духовного солнца (*Льюис К. С. Страдание. Х. Рай. С. 180–183*).

Игумен Георгий (Шестун) пишет: «Троическое богословие принесло абсолютное утверждение личности как свободы по отношению к природе <....> тайна личности заключена не в свойствах индивидуальной природы, а в способности «возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя — по ту сторону всякого фактического своего состояния и даже своей фактической общей природы». В православной традиции духовно-нравственное становление человека направлено на раскрытие его творческого потенциала, его уникального бытия как «лица», в котором преодолевается социальная обусловленность «личности» <...> «Человек не ограничен своей индивидуальной природой. Он — не часть целого, а потенциально содержит в себе целое». Опираясь на традицию православного богословия, Шестун развивает понятие Церкви как соборного единства, в котором раскрывается соборная природа восстановленного естества человека. «Церковь — это множественность лиц, каждое из которых получает дар Духа Святого, который сообщает каждой человеческой ипостаси в Церкви полноту благодати, превращая каждого в сознательного соратника Богу, даруя каждому возможность реализовать его неповторимое призвание» (*Православная педагогика. С. 16*).

Онтология

Разработка понятия духовно-нравственного становления человека является важным вкладом автора в педагогическую теорию. Посредством этого понятия раскрывается онтологическое основание педагогики.

Термин «духовно-нравственное становление» введен в оборот современной педагогической мысли еще в начале 90-х гг. Смысловое содержание его, как оказалось, глубоко резонирует с проблематикой, обсуждаемой в русле организации духовно-нравственного воспитания в современной России, термин был подхвачен в педагогической публицистике и педагогическом проектировании. Сегодня он широко распространен в педагогическом дискурсе, однако его используют подчас безотчетно, не принимая во внимание полноты теоретического содержания этой категории, подчас не различая с понятием духовного или личностного развития.

Игумен Георгий последовательно проводит различие духовно-нравственного становления и развития личности. Становление образует онтологическую основу воспитания, развитие — деятельностьную. Их соотношение автор образно

представляет в форме восходящего движения по спирали, где становление образует вертикаль, а развитие — концентрическое или спиралевидное движение в горизонтальной плоскости. Вертикаль духовного становления задает степень зрелости, или *уровень* развития личности, движение на горизонтали — развитость личности, или степень освоения и раскрытия ее разнообразных природных способностей.

Если личностное развитие поддержано духовным становлением, можно говорить о возрастающем уровне развития, если нет, то развитие замыкается в пределах одного уровня.

Духовно-нравственное становление личности в традиции обнаруживает онтологическую основу воспитания, при этом само воспитание реализуется, поскольку создает условия для духовно-нравственного становления, в процессе которого личность индивидуализируется, приобретает особенные, ей одной свойственные черты, и вместе с тем вбирает в себя вселенскую полноту, хранимую в традиции. В этом двуедином процессе обретается неотъемлемое свойство личности — уникальность, проявляемая в творческом личностном бытии.

В силу сопричастности онтологической основе духовно-нравственное становление не может быть описано как монопроцесс, направляемый целеполаганием воли человека. В понятии процесса духовно-нравственного становления автор обнаруживает своеобразное удвоение. Если пользоваться различием процессов целенаправленных и процессов целесообразных, можно было бы определить его как единство целенаправленности и целесообразности — идея, неоднократно высказываемая в педагогике в формуле природосообразного воспитания. Сам автор предпочитает синергийный подход, схватывая обнаруженное удвоение в категории «совершенство-устремление», предложенной С. С. Хоружим. Исследуя понятие «совершенный человек», Хоружий отметил, что Новый Завет почти никогда не говорит о совершенстве — «в совершенном виде», как о чем-то уже обретенном и наличном; оно неизменно выступает как искомое, предмет устремлений или цель, <...> причем эти стремления или эта цель не столько ближайшие, конкретно-практические, сколько имеющие характер духовной установки, принципиальной ориентации. <...> Совершенство-устремление — это специфический тип энергийного образа человека.. Духовное восхождение, по православно-исихастскому пониманию, есть продвижение человека к соединению с благодатью — *стяжание благодати*, источник которой совершенно превосходит естество человека (поэтому этот тип энергийного образа назван автором вслед за С. Хоружим «сверхъ-естественным»).

Игумен Георгий подробно исследовал содержание и формы православных традиций духовно-нравственного становления человека, но вместе с тем дал ключ к разработке теоретических основ изучения и научного понимания проблем духовно-нравственного становления личности в иных традициях. И это очень важно в условиях российской цивилизации, объединяющей в едином культурно-историческом мире разнообразные религиозные и этнические традиции.

Семья

Большое место в книге игумена Георгия занимает проблематика семейного воспитания. Семья, являясь наследницей и хранительницей духовно-нравственных традиций, более всего воспитывает детей своим укладом жизни, пониманием необходимости не только хранить, но и умножать то, что досталось нам от предыдущих поколений. С духовной точки зрения точнее будет сказать: не умножать, а поднимать на новый уровень. Семья призвана не только воспринимать, поддерживать, но и передавать из поколения в поколение духовно-религиозную, национальную, отечественную традицию.

В современном обществе в силу отрыва семьи от культуuroобразующей традиции православия произошел переход от семьи, основанной на духовных отношениях, к семье, основанной на душевных (психологических) и далее — плотских отношениях, что открывает поле для действия сил эгоизма и себялюбия. Здесь автор видит главный фактор распада семьи в современном обществе, т. к. союз людей, основанный на плотских отношениях, в существовании собственно семьи не нуждается. В такой среде не создается почвы для духовно-нравственного становления ребенка.

Восстановление цивилизационной доминанты в семейном воспитании — важнейшая проблема современного культурного мира России. Воспитание в православной семье является основой духовно-нравственного становления в православной традиции. Согласно церковному Преданию, православная семья рассматривается как «малая Церковь». Она рождается в таинстве брака; в таинстве брака благословляется потомство супругов и им даруется благодать на воспитание детей. В символическом уподоблении земной брак (муж, жена, дети) уподобляется браку небесному (Господь, Церковь, христиане — чада Церкви). Духовная связь, возникающая в Церкви, описывается словами и понятиями семейных отношений: батюшка, матушка, духовный отец, духовные чада, братья, сестры. Крепость православной семьи покоится на совместном исполнении воли Божией, выраженному особо к каждому члену семьи и соединяющей их души между собой и со Христом, семейный союз скрепляет общее стремление к единому предмету любви — Богу. Главой «малой Церкви», также, как и главой Вселенской Церкви, является Господь. Семья устроена иерархически: муж — глава жене, жена — слава мужу, дети находятся в послушании у родителей. Иерархическое устройство семьи способствует духовному становлению личности в различные периоды ее развития и раскрытию ее психофизических сил при условии признания каждым членом семьи этих Богом установленных обязанностей спасительными и обязательными. Человеческий индивидуализм, себялюбие создают в браке особые трудности. Преодолеть их можно только усилиями обоих супругов, решимостью занять в браке свое место. Ни один из супругов не имеют в браке друг над другом абсолютной власти. Принятие семейной иерархии и нахождение своего места в ней должно быть актом свободной воли каждого члена семьи. Насилие над волею другого, хотя бы во имя любви, убивает саму любовь.

В православной семье весь уклад жизни связан с церковным календарем. В календаре же актуализируются исторические события Отечества, они возводятся

к своему вечному непреходящему смыслу. Историческое бытие оказывается не мертвым прошлым, но вечным теперь, открывающим для становящегося человека образы духовного совершенства. «Совершенство-устремление», задающее направленность духовно-нравственного становления личности в православной традиции, воплощается в семейном православном воспитании в череду зримых и осязаемых образов через сопряжение семейного уклада с укладом церковной жизни. Раскрывая богословскую идею семьи как «малой Церкви», связывающей в единую систему общей жизни различные поколения, соединяющую живых и усопших, игумен Георгий показывает, за счет каких педагогических факторов воспитание в православной семье образует преемственность народной (цивилизационной) памяти. Опора на Церковь, участие в церковной жизни составляют существенное условие и содержательную основу этой преемственности. Бог не есть мертвых, но Бог живых, у Бога все живы, и Церковь объединяет в едином Богочеловеческом организме поколения ныне живущие и жившие прежде. Для человека, включенного в жизнь Церкви, заветы предков никогда не становятся мертвой буквой, они преисполнены личностным смыслом и несут в себе духовную энергию, позволяющую творчески решать задачи устройства человеческой жизни в современном мире.

Школа

Анализируя важнейший этап непрерывного процесса воспитания — школу, автор уделяет большое внимание проблеме согласования школьной и семейной среды воспитания. Для каждого ребенка из православной семьи в школе происходит встреча Церкви и жизни. Здесь может состояться, а может и не состояться опыт преобразования жизни в духе Церкви, что является важным моментом в процессе духовно-нравственного становления человека. Вопрос о взаимоотношении Церкви и школы в православной традиции ставится шире, нежели преподавание религиозного учения или совместная деятельность в образовательной сфере. Определяющее значение имеет не формальное подчинение школы церковному уставу, а внутреннее, духовное влияние Церкви на школу. Смысл церковной школы в том, что она внутренне должна быть пронизана духом веры.

Сопоставляя систему церковного образования и систему государственной (светской) школы, автор приходит к выводу, что эти системы не могут быть абсолютно различными. Они вырастают на едином цивилизационном базисе, внутри одной культуры и должны ориентироваться на единые ценностные доминанты.

В истории отечественного образования присутствует несколько стереотипических представлений о духовном образовании: его рассматривают как узко-клерикальное, чуждое науке, ограничивающее культурную активность человека, замыкающее его духовную жизнь в рамки исполнения церковного культа. Эти стереотипы обусловлены непростой историей взаимоотношений государства и Церкви. В послепетровскую эпоху духовное образование развивалось как преимущественно сословное, нацеленное на подготовку священнослужителей, либо как начальное образование для простого народа (церковно-приходские школы),

либо в русле предмета «Закон Божий», обязательно присутствующего в образовательных программах всех школ. Следует, однако, отметить, что, несмотря на организационную обособленность духовного образования, в его реальной истории мы обнаруживаем заметные тенденции к охвату всего поля истории и культуры. Именно духовное образование выполняло интеграционную роль в формировании единого образовательного пространства в России, тогда как светское образование стремилось дистанцироваться от духовного и замкнуться в собственных границах.

В советский период на первом этапе духовные школы были закрыты и отечественное образование отлучено от православной традиции. В 1943 г. деятельность некоторых духовных школ было восстановлена, однако органы государственного надзора строго следили за учебным планом, не допуская реализации образовательных программ, обеспечивающих высокий уровень общего научно-образовательного воспитания воспитанников.

Современная ситуация требует решительного переосмысления стереотипов, противопоставляющих светское и духовное образование. Игумен Георгий раскрывает понятие духовного образования в универсальной перспективе: духовным является то образование, которое учитывает духовное призвание человека, уникальное бытие личности и опирается на понимание определяемых традицией закономерностей духовно-нравственного становления человека. Образование, укорененное в православной традиции, не может быть не духовным. Мы должны избегать исторически обусловленных стереотипов понимания духовного образования как противоположного светскому, или как образования, направленного только на подготовку церковнослужителей, или как образования, отвергающего научные подходы к познанию мира. Понимание церковной жизни важно вывести за рамки узко-клерикальной трактовки; необходимо увидеть ее как полноту личностного бытия человека, в каждом действии и мысли обнаруживающего себя предстоящим Богу.

Задачи церковной школы не могут ограничиваться только внешней стороной введения в строй церковной жизни, а цели и идеалы светской школы не могут игнорировать ценностные доминанты цивилизации, сложившейся в лоне православной традиции.

В образовании цель освоения традиции является иерархически главенствующей по отношению к цели передачи новым поколениям основных знаний, умений и навыков, обеспечивающих воспроизведение всей совокупности цивилизованной жизни.

Освоение традиции в различных формах образования предполагает три элемента: знание традиции, опыт ее освоения и построение личного бытия на основе этого опыта. Освоить традицию — значит приобрести искусство соразмерять опыты собственной жизни, здесь и сейчас совершающейся, с духовными, ценностными ориентирами, на которых держалось общество на протяжении сотен лет. Это значит войти в традицию, стать ее носителем, «своим среди своих», познать действенность смыслов и ценностей традиции, практически испытать их энергию и созидательную власть.

Чтобы школа была способна решать задачу освоения традиции, в образо-

вательном процессе необходимо обеспечить освоение, кроме знаний, умений и навыков, также других содержательных элементов:

- опыт трудовой деятельности;
- опыт творческой деятельности;
- ценности и смыслы традиции;
- опыт межличностного общения на основе ценностей и смыслов традиции;
- опыт духовной жизни, условия обретения которого передаются в формах традиции.

Если школа не обеспечивает этого, она не выполняет задачи освоения традиции. Следует, однако, понимать, что школа в одиночку не способна осуществить эту задачу. Она необходимо должна опираться на воспитание в семье и в Церкви.

Методология

Различие светского и церковного компонентов православных традиций автор перемещает на методологический уровень. Он вводит типологическое различие культурно-исторической (аксиологической) традиции и Священного (церковного) Предания. Это позволяет ему использовать богатую традицию богословской православной мысли и, вместе с тем, оставаться в пределах предмета педагогики, обогащая ее представлениями о культурно-исторических формах православных традиций воспитания.

Православная традиция может быть рассмотрена в двух типологических формах — как традиция культурно-историческая (аксиологическая) и как Церковное Предание. Рассматривая православную традицию в категориях культурно-исторической традиции, как способ жизнеустройства, выделяем, прежде всего, нравственные заповеди и культовые установления. Мы определяем, что является ценным в православии, какие обычаи, правила, нормы, выработанные в течение истории в лоне православной культуры как выражение Божественного человеческими средствами, востребованы в наше время. Нормы, установления, обычаи и являются средством организации общей жизни, это законы управления человеческим сообществом, а значит, форма управления человеком как членом социума, управление «внешним человеком». Культурно-историческая традиция, утверждая нравственные заповеди христианства в основе общественного жизнеустройства, определяет жизнь человека в мире других людей и ограничивает рассмотрение проблемы преемства только рамками аксиологической интерпретации христианства. Такой подход позволяет нам выделить культурно-историческую традицию как светский компонент православной традиции, на основе которой определяется содержание нравственного и гражданского воспитания, а также процесса социализации личности. Культурно-историческая традиция определяет начальную границу нравственного совершенствования человека, целью которого является обожение человека. Культурно-историческая традиция в православии связана со способом выражения Богооткровенной Истины в языке культуры, в направлении созидательной активности человека, обустроивающего свою жизнь на земле.

В качестве конфессиональной традиции православие осознается как церковное Предание (или традиция церковная). Церковное Предание рассматривается как способ и условие восприятие Истины. Предание сообщает каждому члену Церкви способность слышать, принимать и познавать Истину в присутствии ей свете, а не в естественном свете человеческого разума. Предание — не передача прошлого в будущее, а данная Церкви сила передачи, сопутствующая тому, что передается. Жить в Предании — значит жить церковной жизнью. На этом уровне православной традиции человек видит себя перед Лицом Божиим, перемещает свой взор на «внутреннего человека», открывает в себе реальность внутреннего мира. Предание, обращение к свидетельству святых, усвоение их духа, а значит, особого взгляда на мир, особой духовной ориентации человека в этом мире. Через Предание выявляется онтологическое основание православной традиции. Оно удостоверяет содержание идеалов и ценностей, образующих аксиологическую традицию.

Православная традиция обнаруживает себя в индивидуальных событиях истории Отечества и в мировой истории. В логике объективно-научной истории мы привыкаем отыскивать причины событий и *объяснять* их. Эта логика приучает нас к необходимости подчиняться закономерностям истории и адаптироваться к объективным общественным изменениям. В логике традиции мы учимся *понимать* события, обнаруживаем их смысл, который становится для нас лично значимым, побуждает нашу духовную энергию к утверждению идеалов и ценностей как начал культурного творчества. Их источником является онтологическая свобода человека, их прочность и действенность удостоверена традицией.

Взгляд на традицию, при котором мы различаем типологические формы аксиологической традиции и церковного Предания, позволяет в каждом индивидуальном историческом событии улавливать динамику традиции как «обновляющегося достояния». Вечное достояние человеческого рода — сокровище традиции, доступ к которому открывается через жизнь в Церкви, — вечно обновляется в событиях жизни людей, утверждающих идеалы и ценности, укорененные в традиции.

Различение типологических форм традиции — один из образцов методологического подхода, позволяющего автору книги привлекать методы и идеи, выработанные в православном богословии, для разрешения важных проблем, встающих перед научной педагогикой и педагогической практикой. Другой образец — использование в педагогике типологического метода толкования Священного Писания. Автор описывает два основных типа единой модели православного воспитания — ветхозаветный и новозаветный. В жизни конкретного человека оба типа проявляют себя в нерасторжимом единстве. Нерасторжимость типов предполагает специфическое их сочетание в рамках конкретной личности. Используя типологический метод в православной педагогике, мы различаем «внешнее» и «внутреннее» образование. «Внешнее» связано с освоением культурных образцов, позволяющих человеку постигать нормы и ценности общества. «Внутреннее» связано с пробуждением процесса духовно-нравственного становления личности, направленного к Богу, и тем самым с

благодатным пробуждением личностного начала в человеке. Автор предлагает рассмотреть модель православного воспитания как суперпозицию двух основных типов — ветхозаветного и новозаветного воспитания. Суперпозиция — свободное сочетание различных, взаимно не обусловленных типов в рамках одной модели, которое проявляется специфичным образом в разные моменты духовного становления конкретной личности. В православной педагогике взаимодействие и сочетание этих двух типов можно определить как сочетание закона и благодати, ветхозаветного законодательства и новозаветной заповеди любви. В жизни конкретной личности в разные моменты ее духовного становления и в различных обстоятельствах сочетание различных типов имеет свои особенности.

Это представление позволяет по-новому взглянуть на некоторые педагогические стереотипы. Так, типологическое отношение ветхозаветной и новозаветной педагогики легко узнаваемо в современной модели стратегий педагогического взаимодействия, построенной по принципу различения «авторитарно-традиционной» и «нетрадиционной личностно-ориентированной» педагогики. Стереотипное восприятие этого различия в форме бинарной оппозиции в реальной педагогической практике неизменно заводит в тупик. Логика бинарной оппозиции принуждает рассматривать «авторитарно-традиционный» тип взаимодействия как плохой, недолжный, а гуманистический, личностно-ориентированный — как единственно верный, должный и хороший. Учитель стремится удерживаться в рамках единственно «хорошего» типа педагогического взаимодействия и терпит поражение. Почему? Осознавая типологическое понятие ветхозаветной педагогики, мы готовы ответить на этот вопрос. Логика духовного созревания требует, чтобы в воспитании были реализованы необходимые каждому человеку ступени сознательного подчинения высшей силе закона. Типологическая модель, предложенная игуменом Георгием, позволяет продуктивно преодолеть бинарную оппозицию. «Личностно-ориентированный» и «авторитарный» подходы с необходимостью сочетаются специфическим образом в каждом конкретном случае на каждом конкретном этапе духовно-нравственного становления личности. Понятие суперпозиции позволяет индивидуализировано выстраивать каждый случай, не смешивая типологические формы и не подменяя одну другой, пытаясь форсировать естественный органический процесс духовного созревания человека.

Ветхозаветная педагогика как педагогика закона отнюдь не является архаическим и отсталым педагогическим методом, который присутствует на страницах педагогических книг в силу сложившегося ритуала культуры. Педагогика закона — типологическая форма, неизбежно воспроизводящаяся на определенных ступенях воспитания, но индивидуализированная в соответствии с особенностями конкретных педагогических ситуаций. Так игумен Георгий убедительно демонстрирует продуктивность использования древнейших герменевтических подходов для прояснения смысловых аспектов современных проблем педагогической науки.

Типологическую модель суперпозиции ветхозаветной и новозаветной педагогики возможно применять при практическом решении проблем свободы и

ответственности в воспитании, в оценке различных историко-педагогических явлений, в организации профессиональной рефлексии педагога.

В рамках типологической модели может быть осмыслена позиция учителя и характер исполнения его профессиональной миссии. Ветхозаветная педагогика закона превалирует там, где педагог помогает ребенку освоить социальные нормы и принять незыблемость нравственного закона. Глубина и полнота собственной духовной жизни педагога определяет меру «новозаветного», любовного исполнения его педагогического призвания. В истории отечественного самосознания мы обнаруживаем стремление к новозаветному типу духовного устройства. Соблюдение внешних форм закона тягостно для русского человека, он жаждет подвига, в котором исполняется духовный смысл закона и глубина личностного бытия человека раскрывается в предстоянии Богу. В русской педагогической терминологии наиболее сокровенное значение деятельности учителя связано с категорией наставничества. Учитель «наставляет на путь», который начинается на земле, но ведет к небу. Разумение пути духовного подвига необходимо учителю, но может ли знать путь сам не идущий им? В нашей культуре укоренен тип учителя-подвижника. Трудно оспорить суждение игумена Георгия, что характер учительского труда в полной мере можно осмыслить только как православное служение.

Может быть, самое важное значение этой книги состоит в том, чтобы помочь современным педагогам осознать себя сопричастным традиции, которая продолжает и будет продолжать выполнять культуuroобразующую роль в российской цивилизации. Это необходимо всем — как нашедшим свой путь в Церкви, так и тем, кто пока не видит его.

Книга представляет новый уровень теоретического осмысления педагогической реальности традиции, включающее такие компоненты, как онтологическая основа, цивилизационное содержание, ценностные истоки и организация семейного и школьного воспитания, представление о личности, методология самопознания в традиции. Раскрывая цель воспитания как обретение личностного бытия в традиции, книга сама обладает высоким воспитывающим потенциалом и, несомненно, выполняет роль введения в традицию.

Эпиграфом к книге, в полной мере раскрывающим ее педагогическую идею, могут служить слова Псалмопевца: *Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит: и изведет, яко свет, правду твою и судьбу твою, яко полудне.* Пс. 36, 5-6.

Ключевые слова: православное воспитание, православная педагогическая традиция, духовно-нравственное становление личности, методология православного воспитания, взаимоотношения Церкви и школы, семья и Церковь.

PROBLEMS OF EDUCATION IN NEHUMEN GEORGY SHESTUNOV'S BOOK "ORTHODOX PEDAGOGICS"

M. V. ZAKHARCHENKO

IN HIS BOOK THE AUTHOR OF THE ARTICLE SHOWS A NEW LEVEL OF ORTHODOX PEDAGOGICS: THE CONCEPTUALIZATION OF THE TRADITION, INCLUDING SUCH COMPONENTS AS THE ONTHOLOGICAL BASIS, CIVILIZATIONAL CONTENTS, THE SOURCES OF THE VALUE SYSTEM AND THE ORGANIZATION OF FAMILY AND SCHOOL EDUCATION, THE IDEA OF THE PERSONALITY, THE METHODOLOGY OF SELF-ACTUALIZATION. DEFINING THE PURPOSE OF EDUCATION AS ADAPTING ONE'S PERSONAL EXISTENCE TO THE TRADITION, THE BOOK IN ITSELF HAS HIGH EDUCATIONAL POTENTIAL AND, UNDOUBTFULLY, INTRODUCES INTO THE TRADITION.

Keywords: orthodox education, orthodox pedagogical tradition, moral and spiritual formation of personality, methodology of orthodox education, relationship between church and school, family and church.